Екатерина БАРАНОВА (г.Москва) **ДЕБЮТ**

Гуляя в парке с ребенком, я часто видела одну странную мамочку. Она катала коляску и вслух читала какой-то текст, держа перед собой мобильный телефон. «Роли, что ли, учит?» — думала я про себя.

Прошло немного времени, дети наши стали вылезать из колясок и вместе играть, так я познакомилась с Настей и, не выдержав искушения, спросила:

— А ты случайно не в театре работаешь, я часто видела, как ты с выражением читаешь какие-то речи с диалогами?

— Нет, это я на диктофон начитывала повесть. Я начитываю, моя подруга-соавтор расшифровывает. Думаю, чего зря время-то терять, пока с ребенком гуляю.

— А что за повесть?

— Повесть о моей жизни — ничего придумывать не пришлось. Эта история о взаимоотношениях в семье полковника ФСБ, с виду очень культурной. Но это только с виду, а если подсмотреть в замочную скважину... Там летают стулья, толстый полковник часто накидывается на дочь, немощную тещу, в квартире которой живет уже двадцать

лет. Жена настолько захламила квартиру своими вещами, что через расставленные везде большие картонные коробки уже сложно пробираться. Эта история о взаимоотношениях современных молодых людей и вообще о современной жизни.

Прошло еще какое-то время, я встретила Настю в парке, глаза ее, обычно грустные и уставшие, сияли.

— Привет, Настя, как дела? Как твоя повесть, все надиктовываешь?

— Все готово! Я на днях отправила ее в один литературный журнал и мне сегодня такое письмо пришло! Пишут: «Спасибо за прекрасную рукопись!» Опубликуют в этом и следующем месяце, и даже небольшой гонорар заплатят. Это я единственный такой журнал нашла, где за публикацию полагается гонорар. В остальных автору еще платить надо, чтоб напечатали.

— Как здорово, поздравляю, это твой дебют получается.

Месяц спустя Настя пришла в парк с заплаканными глазами.

— Что у тебя случилось? Опять семейные проблемы?

— Да нет… Помнишь, я тебе говорила, что повесть мою опубликовали?

— Да.

— Так вот, сняли с публикации. Захожу на днях на сайт журнала, а повести нет. Я хотела принять участие в одном литературном конкурсе, а там нужно, чтобы рукопись опубликована была, вот хотела ссылку скопировать. А ссылки-то нет! Пишу главному

редактору, который мне тогда восторженное письмо прислал. Он ответил: «Повесть сняли». Я ничего не поняла, сегодня решила позвонить… Мне грубо сказали: «Слушайте! Вы вообще должны быть мне благодарны, я сделал, что мог, в вашей повести ничего нет — ни языка, ни сюжета, работайте над текстом».

— Почему же сначала он написал, что все здорово?

— Вот и я не понимаю, весь месяц повесть моя с пометкой «продолжение следует» была в открытом доступе на сайте журнала. Ох! Лучше бы сразу сказали, что писанина некуда не годится. А так особенно обидно. Причем, знаешь, когда они первый раз ответили, я тоже позвонила и спрашиваю: «У меня есть продолжение, но еще не доработано. Вы опубликуете, если попозже пришлю?»

— Конечно, если это будет так же здорово и актуально, присылайте.

— Насть, а почему у тебя такое большое желание было написать повесть, и не просто написать, но и опубликовать сразу? Ты знаешь — я технарь, мне не понятно, что движет человеком, особенно когда берется за перо в первый раз — вдохновение?

— Думаю, во многих случаях, да. Ты что-то увидел, услышал, тебя поразило и вот — принимайте, читатели и критики, новое произведение. Но у меня какого-то яркого события не было. Знаешь, мне сейчас кажется, что повесть моя — попытка самоутвердится.

— Нет, я тебя не понимаю, куда еще самоутверждаться?! Красный диплом МГУ, в двадцать шесть лет кандидат наук; и ребенка успела родить, обеспечиваешь себя, еще и бабушка лежачая на тебе — и все сама!

— Все так. Но от этих дипломов — удовлетворение только в момент их вручения, а потом одно разочарование. У работодателей они не котируются. Знаешь, я, кажется, только сейчас поняла: многие годы хотела доказать отцу, что не дура. Ну, помнишь, я

тебе рассказывала, год у меня в школе пропущен: рак крови в девять лет был; с больницами, реанимациями сильно отстала по программе. С физикой, математикой проблемы начались. Отец все повторял тогда — «болезнь сгубила, стала дурой». Эти слова настолько врезались в сознание, что я ему потом образцовыми зачетками все старалась доказать, что не дура, кандидатскую защитила, а он даже автореферат не открыл. В общем, вместо того, чтобы работать, практику получать, ерундой какой-то занималась, вот и перебиваюсь теперь репетиторством и переводами.

А повесть, наверное — тоже еще одна попытка доказать уже самой себе, что чего-то в этой жизни стою. Да вон опять — взлетела, напечатали! И гонорар! Да только крылья быстро подрезали — сняли с публикации.

— Ну, не расстраивайся, Насть, ты — человек целеустремленный, а такие, как ты, обычно всего добиваются.

После этого разговора я уехала на дачу и с Настей встретилась только осенью. Конечно, первый вопрос мой был:

— Ну что повесть?

— Ты уехала, а мы все с подругой-соавтором думали: ну почему вдруг сняли, действительно текст никуда не годится или может в редакции у них разногласия… А посоветоваться-то не с кем. Но тут проблема сама собой решилась. Ты же знаешь, ребенок мой со взрослыми любит пообщаться, ко всем подходит. Ну вот, два месяца назад подошел так к одной тетеньке, познакомился, мы невольно разговорилась. Так как-то слово за слово разговор про рукопись зашел, а она в издательстве работает, работы рецензирует. Согласилась прочитать…

— Не томи уже, вижу, что глаза горят.

— Через месяц мой дебют — должна выйти книга!